

- ⁶⁵ ПСЗ-П. Т. XXXVII. Отд. 1. СПб., 1865. № 38326. С. 499.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 27, л. 9.
- ⁶⁷ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 5, д. 8, л. 1–10 об.
- ⁶⁸ РГИА, ф. 866, оп. 1, д. 27, л. 9 об.–10.
- ⁶⁹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 107–109 об.
- ⁷⁰ ПСЗ-П. Т. XXXIX. Отд. 1. СПб., 1867. № 40908. С. 456–458.
- ⁷¹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 1, д. 427, л. 109 об.
- ⁷² ПСЗ-П. Т. XXXVII. Отд. 1. С. 500–501.
- ⁷³ Там же. Т. XLIII. Отд. 1. СПб., 1873. № 45655. С. 315–316; Т. XLIV. Отд. 2. № 47848. С. 415–416.
- ⁷⁴ Там же. Т. XLV. Отд. 2. СПб., 1874. № 48968. С. 541–543.
- ⁷⁵ Там же. Т. LI. Отд. 1. СПб., 1878. № 55651. С. 165–166.
- ⁷⁶ Там же. Т. XLIV. Отд. 2. № 47848. С. 416.
- ⁷⁷ Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891; ПСЗ-П. Т. XLIV. Отд. 2. № 47848. С. 416; *Рейнке Н.М.* Горские и народные суды Кавказского края. СПб., 1912. С. 8.
- ⁷⁸ *Рейнке Н.М.* Указ. соч. С. 27, 28; Всеподданнейший отчет Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1891 год. Владикавказ, 1992. С. 85.
- ⁷⁹ ЦГА РСО-А, ф. 12, оп. 5, д. 319, л. 18–18 об.
- ⁸⁰ *Агишев Н.М., Бушен В.Д., Рейнке Н.М.* Материалы по обозрению Горского и народного судов Кавказского края. СПб., 1912. С. 141–142.
- ⁸¹ См.: РГИА, ф. 1149, оп. 8, т. 8, д. 60; ф. 1405, оп. 542, д. 229, л. 9.
- ⁸² *Рейнке Н.М.* Указ. соч. С. 10.
- ⁸³ *Иваненко В.* Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 5–6. С. 123.
- ⁸⁴ Всеподданнейший отчет Главнокомандующего Кавказскою Армиею по военно-народному управлению за 1863–1869 гг. С. 115.
- ⁸⁵ Там же. С. 117.
- ⁸⁶ См., например: РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 712.
- ⁸⁷ ЦГА РСО-А, ф. 11, оп. 6, д. 105, л. 2.
- ⁸⁸ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 712, л. 12.
- ⁸⁹ Там же, л. 14–14 об.; Всеподданнейший отчет Начальника Терской области... за 1891 год. С. 86.
- ⁹⁰ Всеподданнейший отчет Начальника Терской области... за 1891 год. С. 87.
- ⁹¹ Там же. С. 88.
- ⁹² *Евангулов Г.Г.* Местная реформа на Кавказе. Тифлис, 1914. С. 53.

© 2012 г. О. Ю. РЕДЬКИНА *

СТАРОВЕРЫ НИЖНЕЙ ВОЛГИ И ДОНА В КОНЦЕ XIX–XX ВЕКЕ

На протяжении ряда столетий старообрядцы были крупнейшей религиозной группой Нижней Волги и Дона. В современных исследованиях всесторонне изучен их вклад в социально-экономическое, культурное развитие Саратовско-Самарского Поволжья, взаимоотношения с местными церковными и гражданскими властями в конце XVII – начале XX в.¹ В то же время практически отсутствуют обобщающие труды по истории

* **Редькина Ольга Юрьевна**, доктор исторических наук, профессор, декан факультета философии, истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета.

староверия Нижневолжского края и Царицынской губ. (Сталинградской, затем Волгоградской обл.).

В начале XX в. Донская епархия являлась одной из первых в Российской империи по распространению на ее территории старообрядчества. В 1903 г. казаков-старообрядцев различных толков и согласий здесь насчитывалось около 130 тыс. На страницах «Донских епархиальных ведомостей» упоминались такие старообрядческие толки и согласия, как поповцы – приемлющие священство, преходящее от православной Церкви (беглопоповцы), и приемлющие Белокриницкую иерархию, беспоповцы – поморцы (старопоморцы), средники. При этом больше было беглопоповцев и последователей Белокриницкой иерархии (46 036 и 47 377 человек соответственно), беспоповцами являлись 30 683 человека². В 1909 г. в Донской епархии проживало 2,5 млн православных и от 129 тыс. до 140 тыс. старообрядцев³. В 1912 г. численность последних выросла до 145 127 человек. Впрочем, к этому времени по их числу Донская епархия уступила первенство Пермской⁴.

В Области Войска Донского чаще всего на территории одного населенного пункта проживали старообрядцы, принадлежавшие к различным толкам и согласиям. Беглопоповцы и приемлющие Белокриницкую иерархию расселились в основном по рекам Чир и Медведица, а представители беспоповских согласий – по р. Калитва. Как свидетельствует исследование клировых ведомостей православных церквей Донской епархии, в Хоперском округе старообрядчество было распространено слабее, чем во 2-м Донском и Усть-Медведицком округах. Так, в Урюпинском и Филоновском благочиниях приходские священники в конце XIX – начале XX в. не сообщали о наличии старообрядцев. В Глазуновском благочинии в начале XX в. насчитывалось 7 958 старообрядцев, проживавших в 13 приходах из 26 (12 из них находились на территории Усть-Медведицкого и 1 – на территории Хоперского округа). Больше всего среди них было беглопоповцев и приемлющих Белокриницкую иерархию, несколько меньше – беспоповцев⁵. Особенно широко было развито старообрядчество в Усть-Медведицком округе (в станицах Арчединской, Островской с хуторами) и во 2-м Донском округе (станции Пятиизбянская с хуторами, Верхне-Чирская, Нижне-Чирская и Клетская, хутор Калач-на-Дону и др.). Из донских казаков происходили и архиепископы Русской православной старообрядческой церкви (Белокриницкой иерархии) – Иоанн и Мелетий Картушины.

В Саратовской губ. численность староверов также была значительной, составляя в 1886 г. 126 036 человек обоего пола (32 025 – поморцев, 26 959 – беглопоповцев, 26 261 – приверженцев Белокриницкой иерархии, 23 578 – спасовцев, 5 915 – федосеевцев, 629 – странников, 235 – филипповцев)⁶. По мнению С.А. Обухович, местные староверы селились преимущественно в Хвалынске, Саратове и Вольске с их уездами, а также в Аткарском, Балашевском, Сердобском и Царицынском уездах⁷. В Камышинском уезде они жили в селах Лапоть (641 человек), Меловое (38 спасовцев, 48 беглопоповцев, 44 поморца), Суворово (717 поморцев), Трубино (26 поморцев), на хуторах Носов (13 поморцев и спасовцев) и Серовых (31 поморец), в деревне Ушаковка (из 804 жителей треть – раскольники разных толков)⁸. В Самарской губ. старообрядцев больше всего было в Николаевском уезде: в г. Николаевске, селах Грачёвый Куст, Журавлиха и Каменка. В г. Новоузенск проживали поморцы. Спасово согласие преобладало в с. Иловатый Ерик Новоузенского уезда⁹.

В 1913 г. в Царицыне действовали 4 группы староверов: 200 беглопоповцев, 195 последователей Белокриницкой иерархии, 350 поморцев брачного согласия, 85 духовных христиан Воскресенской церкви. В посаде Дубовка Царицынского уезда их было больше: в Никольской общине Белокриницкой иерархии – 324 человека, в общине беглопоповцев – 463, в общине спасовского согласия – 203 человека¹⁰. В Царицынском уезде они также встречались в с. Ежевка (11 беглопоповцев), на хуторах Ново-Никольском (34 человека) и Купоросном (поморцы)¹¹.

В 1878 г. в Астраханской губ. было 3 714 старообрядцев (524 сторонника Белокриницкой иерархии, 222 поморца брачного толка и 2 968 старопоморцев)¹². В самой

Астрахани в 1880-х гг. насчитывалось 808 староверов, действовали моленная Белокрыницкой иерархии (Шульгинская) и 2 молитвенных дома беспоповцев¹³. Федосеевцы и филипповцы селились в Астраханском (деревни Беспутная, Хмелевка, Яшкино, села Икрыное, Харбай, поселки Оля и Житное-Досадное) и Красноярском уездах¹⁴. Кроме того, старообрядцами были волжские казаки в селах Черноярского (с. Ступино) и Царевского (с. Пришиб, пос. Субботин и др.) уездов¹⁵.

Положение старообрядческих общин после реформ 1905–1906 гг. было облегчено: открывались молитвенные дома, учебные заведения, в 1906–1912 гг. в Саратове выходил журнал «Щит веры». Однако отношения с местными властями и православным духовенством оставались напряженными¹⁶.

Февральская революция 1917 г. стимулировала политическую и социально-экономическую активность староверов и ускорила создание межконфессиональных старообрядческих организаций. Летом 1917 г. было создано Саратовское кооперативное общество потребителей, в которое вошли старообрядцы всех толков и согласий города¹⁷. В июле возникла Саратовская губернская Русско-демократическая партия христиан-старообрядцев (далее – РДПХС)¹⁸. Печатным органом Саратовского губернского комитета РДПХС стал «Голос старообрядческого Поволжья», издававшийся на пожертвования верующих. 29 августа 1917 г. в Саратове открылся съезд старообрядцев всех согласий, в котором приняли участие представители общин Саратова, Самары, Астрахани, Царицына и Дона. Главной задачей съезда провозглашалась подготовка к самостоятельному выступлению на выборах в Учредительное собрание. Саратовский комитет РДПХС призвал староверов страны созвать Всероссийский съезд старообрядцев всех согласий для решения социально-экономических (создание старообрядческих кооперативов) и политических проблем¹⁹. Политическая программа старообрядцев была близка к программе кадетов, но на выборы в Учредительное собрание они планировали выдвинуть собственный список депутатов. Самостоятельные списки на выборы кандидатов в Учредительное собрание выставили и староверы Московской, Нижегородской, Алтайской, Калужской, Пермской, Уфимской, Херсонской, Черниговской, Самарской, Рязанской, Томской губерний и Области Войска Донского²⁰.

На страницах «Голоса старообрядчества Поволжья» регулярно публиковались материалы, посвященные основным политическим партиям и их отношению к религии. При этом особое внимание уделялось социализму, который осуждался как учение, отрицающее религию и призывающее к насильственному социально-политическому переустройству. Ему противопоставлялось христианство, стремящееся к духовному изменению человека и общества, отрицающее насилие и классовую борьбу в процессе созидания новой жизни²¹. В последних декабрьских номерах журнала ничего не говорилось об Октябрьском перевороте. Появившаяся в № 10 передовица «Что же делать?» свидетельствовала скорее о растерянности: «События переплелись в такой узел, такие получили невозможные комбинации, что положительно недоумеваешь, как поступить и что предпринять... По долгу христиан, старообрядцы не могут и не должны умыть рук и спокойно смотреть на царящее зло. Наша обязанность бороться с этим злом, умалить его, проводить в жизнь лучшее, полезное»²². Единственным способом защиты своих интересов старообрядцы считали создание собственной Всероссийской организации, однако декрет 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и инструкция 24 августа 1918 г., регламентировавшая его проведение в жизнь, не только лишили старообрядческие общины нажитой ими собственности и прав юридического лица, но и запрещали любую политическую и культурно-просветительную деятельность религиозных организаций. Экспроприаторские мероприятия советской власти толкнули старообрядцев Нижней Волги к массовой поддержке Белого движения.

В 1918 г. в своем «Пастырском послании» глава Древлеправославной церкви, приемлющей Белокрыницкую иерархию, архиепископ Мелетий (Картушин) называл революцию разгулом диких страстей. В период Гражданской войны богатые промышленники-старообрядцы оказывали всемерную поддержку армиям А.И. Деникина, барона

П.Н. Врангеля и А.В. Колчака, в рядах которых сражалось немало староверов. В Добровольческой армии на юге России казаков-старообрядцев окормлял армейский старообрядческий священник о. Иаков Никулин²³. 21 ноября 1919 г. архиепископ Мелетий, посетив занятый белыми Царицын, предал анафеме «власть антихриста»²⁴. Гражданская война нанесла старообрядцам огромный ущерб. Многие представители купечества, духовенства, казачества погибли от «красного террора», голода и эпидемий, боевых действий в Поволжье и на Дону, либо были вынуждены эмигрировать.

Оставшимся приходилось постепенно выстраивать отношения с большевиками. Осенью 1920 г. активизировала работу Царицынская губернская комиссия по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Она провела регистрацию всех религиозных общин губернии и национализировала их имущество. В 1921 г. прошло анкетирование духовенства, предусматривавшее ответ на вопрос об отношении к советской власти и декрету 23 января 1918 г. Наставник молитвенного старообрядческого дома в станице Арчединской о. А.И. Барышников заявил о признании нового строя²⁵. О каких-либо выступлениях староверов региона против большевиков в 1921 г. ничего не известно. Скорее, напротив, происходила постепенная нормализация жизни общин. Так, в мае 1921 г. Царицынская комиссия разрешила крестный ход старообрядцев «без демонстрации его по городу»²⁶.

В первой половине 1920-х гг. в обзорах политических и религиозных настроений среди жителей Царицынской губернии и в постановлениях о состоянии антирелигиозной пропаганды отмечалось сохранение и широкое распространение традиционных толков и согласий²⁷. Особенно высокий уровень религиозности староверов наблюдался во 2-м Донском округе, где население было «религиозно до фанатизма»²⁸. Старообрядцы были недовольны налогообложением молитвенных домов и выделением за плату помещений для религиозных собраний²⁹. В январе 1923 г. в станицах и хуторах, где преобладали староверы, в школах и на дому велось преподавание Закона Божьего. Хотя окружной Отдел образования регулярно запрещал обучение религии, ситуация не менялась, и в январе 1925 г. окружной исполком был вынужден разослать всем уполномоченным Отдела народного образования циркулярное письмо о пресечении подпольного изучения религиозных предметов в округе³⁰. Такое же положение сложилось в январе 1924 г. и в Усть-Медведицком округе. Население не желало содержать обычные советские школы и создавало частные, где детей учили Закону Божию. Местный отдел народного образования немедленно их закрывал³¹.

В конце 1925 г. 94 из 556 религиозных организаций, зарегистрированных Административным отделом Сталинградского губисполкома, были староверческими. По массовости распространения они стояли на втором месте после приходов патриаршей Церкви (протестантов, мусульман, иудеев, католиков было значительно меньше)³². Наблюдался даже некоторый численный рост отдельных старообрядческих толков. Так, в 1925 г. во 2-м Донском округе община подземельников в трех хуторах станицы Степано-Разинской приняла в свои ряды 90 семей. Средниками стали 25 семей из пяти хуторов³³. Исключение составлял Хоперский округ, где уже во второй половине 1923 г. властями не было зарегистрировано ни одной староверческой общины, ни одного старообрядческого священника или наставника³⁴. В 1924 г. староверческая община существовала также в Заволжье – в Ленинском районе, уступая, однако, по численности молоканам, субботникам, протестантам³⁵.

В годы «религиозного знепа» 1924–1928 гг. деятельность старообрядческих общин оживилась: прошли съезды, соборы многих согласий и толков, укреплялись их кадры и структуры. Так, 4 ноября 1923 г. в Саратове к староверам присоединился обновленческий архиепископ Никола (Позднев). Съезд и собор старообрядцев, принимавших священство, состоявшиеся в 1923–1925 гг., признали этот переход законным³⁶. Архиепископ Никола был избран председателем Духовного совета и стал именоваться архиепископом Московским, Саратовским и всея России древлеправославных христиан. В 1929 г. к Русской Древлеправославной церкви (РДЦ) присоединился епископ свердловский Стефан (Расторгуев)³⁷.

В Саратове в 1924 г. проходил областной Собор старообрядцев старопоморского согласия, а 27–30 сентября 1928 г. – Краевое совещание. На них говорилось о необходимости сосредоточить усилия верующих для сохранения в чистоте и неприкосновенности православной веры³⁸. В 1927 г. в Самаре прошел Всероссийский съезд больше-начальных спасовцев³⁹.

В середине 1920-х гг. молитвенные дома староверов закрывались крайне редко. На основании общего собрания граждан хутора Петрушина Березовской волости Усть-Медведицкого округа местный совет, без согласования с окружными и губернскими властями, закрыл и изъяс под школу староверческий Покровский молитвенный дом. В апреле 1925 г. президиум окрисполкома потребовал от волостной администрации вернуть здание верующим⁴⁰. Терпимое отношение властей к старообрядцам в эти годы во многом объяснялось тем, что большевики относили их к числу пострадавших за веру в Российской империи. В целом, в годы «религиозного нэпа» староверие сохраняло ведущие позиции среди конфессий региона.

В 1927–1930-х гг. религиозные гонения в СССР резко усилились. Социалистическое строительство в городе и деревне, по замыслам большевиков, должно было неизбежно привести к изменению мировоззрения рабочих и крестьян и прежде всего к отказу от религии. Именно тогда лозунг «борьба с религией – борьба за социализм» приобрел особую остроту. Основными методами этой борьбы стали грубая антирелигиозная пропаганда, сокращение числа действующих храмов, отказ от их ремонта, ограничение духовенства в правах, репрессии против священнослужителей и активных верующих, жесткая налоговая политика по отношению к религиозным организациям, расторжение договоров на пользование молитвенными зданиями из-за неуплаты налога на строения, земельной ренты, страховых взносов и т.д.

В 1929–1930 гг. закрытие культовых зданий в сельской местности Нижневолжского края проводилось «ударными темпами». В январе 1929 г. уже не было ни одной зарегистрированной староверческой общины во Владимирском, Енотаевском, Красноярском, Харабалинском, Черноярском районах, в Калмыцкой автономной области⁴¹. Еще оставались в эти годы молитвенные дома старообрядцев в Балаковском, Вольском, Черкасском, Дубовском, Красноармейском районах и в крупных городах – Астрахани, Сталинграде, Саратове⁴².

Пик закрытия староверческих церквей Вольского округа приходился на вторую половину 1929 – начало 1930 г. Соответствующие решения принимались якобы по «настоятельному требованию общего собрания избирателей и колхозников» или в результате «отказа самих верующих». Освобождавшиеся помещения, как правило, предполагалось использовать для культурно-просветительской работы. Вольский окружной исполком предлагал закрыть все церкви и молитвенные дома в округе списочно, обосновывая такие действия политикой «сплошной коллективизации». Однако Нижневолжский крайисполком с этим не согласился, требуя при закрытии культовых зданий соблюдения принятого 8 апреля 1929 г. постановления «О религиозных объединениях»⁴³.

Закрытие староверческих молитвенных домов и церквей быстро шло и в казачьих районах Нижневолжского края. Так, в августе 1930 г. в Нижне-Чирском районе (бывший 2-й Донской округ) общины староверов насчитывали свыше 4 тыс. верующих. Они существовали в 16 населенных пунктах, причем во многих общинах уже не было священников⁴⁴. В конце 1933 г. в районе остались зарегистрированными только 2 группы и 5 обществ староверов, а также 6 служителей культа⁴⁵.

В 1930 г. на хуторе Чаусове Котельниковского района еще действовали Крестовоздвиженский и Покровский молитвенные дома⁴⁶. В мае 1932 г. был расторгнут договор с общиной староверов Белокриницкого согласия в селе Песковатке Лысогорского района⁴⁷. В начале 1930-х гг. оказались недействующими молитвенные дома хуторов Захаровского (с 1930 г.), Лозновского (с 1933 г.), Морского (с 1933 г.), Подольховского (с 1933 г.) Тормосиновского района⁴⁸. В 1933 г. в Калачевском районе оставалось 13 общин старообрядцев, имевших собственные молитвенные дома. Службы шли под руководством 7 служителей культа. Ряд общин имели одного наставника⁴⁹. Молитвен-

ный дом беглопоповцев на хуторе Киреев Ольховского района, построенный в 1915 г. на добровольные пожертвования верующих, в 1935 г. разобрали на стройматериалы для школы⁵⁰.

Схожая ситуация складывалась в казачьих районах бывшего Усть-Медведицкого округа. В 1929 г. молитвенный дом староверов Белокриницкой иерархии хутора Ендовского был передан под склад зерна (вплоть до 1942 г. здание использовалось маслопромом)⁵¹. Молитвенный дом староверов Белокриницкого согласия на хуторе Ильинском Михайловского района не использовался общиной с 1929 г. и в декабре 1931 г. был официально приспособлен под школу⁵². Тем не менее весной 1930 – летом 1931 г. в Михайловском районе продолжали свою деятельность зарегистрированные старообрядческие служители культа С.П. Ермилов (хутор Большой-Медведев), священник Н.М. Евдокимов (хутор Абрамов), Г.П. Ларин (хутора Большой-Медведев, Малый-Медведев, Степанов, Рогожин и Карагичев), священник Е.М. Калинин (хутор Тишанский), священник М.А. Фролов (хутор Чаплыженский)⁵³. В Клетском районе в 1931 г. староверов уже не было⁵⁴. На начало 1933 г. в Даниловском районе числились 4 общины старообрядцев, имевшие молитвенные дома, но служители культа в них отсутствовали⁵⁵. В июне 1933 г. из-за неуплаты налогов были закрыты 2 староверческих молитвенных дома: Михайло-Архангельский беглопоповский на хуторе Прыдки и Богоявленский беспоповский на хуторе Попков станицы Островской Даниловского района⁵⁶. Недостаток у приходов средств для нормального содержания культовых зданий стал одним из результатов «ликвидации кулачества как класса», переселения зажиточных крестьян в города, тяжелого налогообложения религиозных общин и духовенства. Обычным явлением был и административный произвол.

В результате массового закрытия молитвенных домов и церквей староверов к январю 1933 г. зарегистрированные староверческие общины исчезли в подавляющем большинстве сельских районов Нижневолжского края, в том числе в Березовском, Иловлинском, Серафимовичском, Михайловском, Дубовском, Камышинском и Ленинском районах. Старейшая староверческая Покровская церковь в селе Жирное Камышинского района, основанная в 1762 г., была официально закрыта в августе 1934 г.⁵⁷ На территории бывшего Камышинского уезда староверческая община сохранялась только в Руднянском районе⁵⁸. В 1933 г. также существовала имевшая свой храм староверческая община во главе со священником во Фроловском районе⁵⁹.

В 1930-х гг. волна закрытия культовых зданий прошла и по городам края. В июле 1930 г. в Саратове в число 40 действующих культовых зданий все еще входили два молитвенных дома и Свято-Троицкая церковь поморского согласия, Покровско-Богородицкая церковь Белокриницкой иерархии, а также молитвенные дома беглопоповцев, спасовцев и «часовенников» (лишившихся его в 1932 г.)⁶⁰. В Астрахани в августе 1930 г. действовали староверческие церковь Покрова Пресвятой Богородицы (закрыта несмотря на протесты общины в 1935 г.) и два молитвенных дома старопоморцев и новопоморцев⁶¹. В сентябре 1934 г. приход поморцев на ул. Нечаева насчитывал 152 верующих, а другой приход, на ул. Джона Рида, – 81 верующего⁶². В Сталинграде в 1929–1934 гг. существовали церковь Успения Богородицы Белокриницкой иерархии на Дар-Горе, Успенская церковь беглопоповцев, Покровская церковь поморцев на хуторе Купоросный и община спасовцев⁶³. В Сталинграде, как и по всей стране, проходило снятие колоколов, затронувшее и староверческие храмы⁶⁴.

Репрессии 1930-х гг. не обошли стороной и староверов. В 1933 г. ОГПУ и НКВД в Нижневолжском крае раскрыли «контрреволюционную повстанческую организацию старообрядцев Белокриницкого толка». Ее участников обвинили в проведении антисоветской и антиколхозной агитации, которая, судя по материалам дела, особенно активно велась в казачьих районах. Предварительное следствие выявило 15 ячеек в Астрахани, Саратове, Сталинграде, Балакове, Вольске, Дубовке, Калаче, а также в Ершовском, Карабулакском, Котельниковском, Кумылженском, Нижне-Чирском, Пугачевском, Хвалынском районах. Арестовано было 140 человек (53 из них проживали в казачьих районах края)⁶⁵.

Закрытие культовых зданий и снятие религиозных общин с регистрации привели к тому, что в большинстве сельских районов Нижневолжского края действующих храмов не осталось. В Сталинградской обл. староверческие молитвенные дома и церкви уцелели только в Сталинграде (до 1939–1940 гг.)⁶⁶ и Калачевском районе, где сложилась уникальная ситуация: из 12 зарегистрированных религиозных общин 8 принадлежали староверам (в Калаче-на-Дону, на станции Калач, в селе Ильевка, станице Пятиизбянской, на хуторах Малая Лучка, Ляпичевском, Кумовском, Горинском). Общая численность верующих этих приходов составила 1 227 человек. Долгое время в Калачевском районе нигде не велась даже подготовительная работа к закрытию культовых зданий, не был запрещен и колокольный звон⁶⁷. В 1936 г. староверческая церковь Горинского хутора была превращена в склад областной конторы Госсортфонда⁶⁸. К январю 1940 г. в Калачевском районе действовали 4 церкви и 2 молитвенных дома. Однако в остальных 65 районах области действующих староверческих общин уже не было⁶⁹.

В годы Великой Отечественной войны советскому правительству пришлось внести существенные коррективы в свою политику по отношению к религиозным организациям. Клир практически всех российских конфессий призывал верующих к защите Родины от немецко-фашистских захватчиков. Соответствующее заявление сделал и старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфенов)⁷⁰. В 1943–1944 гг. был принят ряд постановлений, определивших порядок функционирования религиозных организаций, положение духовенства и т.д. 29 мая 1944 г. был учрежден Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (СДРК), которому подчинялись уполномоченные в республиках, краях и областях.

В годы немецкой оккупации церкви и молитвенные дома на территории Сталинградской обл. открывались явочным порядком. С осени 1942 г. до середины 1944 г. община староверов хутора Ляпичево совершала службы без регистрации, что стало поводом для закрытия молитвенного дома Сталинградским облисполкомом. Между тем СДРК требовал от представителей местной власти внимательного отношения к ходатайствам верующих и учета их настроений. Своим уполномоченным СДРК разъяснял, что если нет возможности возвратить культовые здания общинам, то не следует препятствовать верующим собираться в помещениях, которые их устраивают⁷¹.

Весной 1944 г. в Сталинградской обл. начался процесс открытия староверческих молитвенных домов. Молитвенные дома Белокриницкой иерархии были устроены на хуторах Вербовском Калачевского района и Морском Тормосиновского района. В мае 1945 г. они появились на хуторах Ляпичево (1 200 верующих) и Горинском Калачевского района, Майоров Котельниковского района, Абрамов Раковского района, Ендовский Фрунзенского района (450 верующих). Возобновились службы в Никольской церкви на хуторе Лысов и в поселке Суровикино Кагановичского района⁷². В 1946 г. молитвенные дома создаются на хуторе Ильевка Калачевского района и в поселке Котельниково Котельниковского района; в 1947 г. – в городе Калач-на-Дону, в 1949 г. – на хуторе Грачи Фроловского района. В 1945 г. был открыт молитвенный дом РДЦ в Нижне-Чирской (в самой станице и прилегающих хуторах Верхне-Садовском и Нижне-Садовском проживало 150–200 верующих)⁷³. Общины РДЦ были зарегистрированы также на хуторах Киреево Ольховского района (250 верующих)⁷⁴ и Малоделский Березовского района, а в 1946 г. еще и на хуторе Чиганаки Кумылженского района. Однако открытых молитвенных домов было явно не достаточно, что иногда способствовало присоединению староверов к Русской Православной Церкви. В конце 1946 г. такое решение приняли 100 верующих Белокриницкой иерархии хуторов Ермохин и Логовский Нижне-Чирского района⁷⁵.

Таким образом, в Сталинградской обл. в 1944–1946 гг. были открыты церковь и 11 молитвенных домов Белокриницкой иерархии, а также 4 молитвенных дома староверов-беглопоповцев. Все без исключения культовые здания располагались на территории бывших казачьих округов, подвергшихся оккупации в 1942–1943 гг. Неоднократно в конце 1940-х – начале 1950-х гг. уполномоченный СДРК по Сталинградской обл. М.Н. Чудинов получал из Москвы указания разрешать староверческим общинам

подыскивать подходящие здания для открытия молитвенных домов и не допускать со стороны местных властей «голового административного нажима»⁷⁶. Однако сталинский «религиозный ренессанс» был недолгим, проводился в достаточно жестких рамках советского законодательства и не привел к полному восстановлению староверия в крае.

Вопрос об открытии молитвенных домов старообрядцев в Сталинграде решался с огромным трудом. 2–3 тысячи верующих Белокрыницкой иерархии поселка Бекетовка в начале 1950-х гг. свыше двенадцати раз обращались к властям с просьбой об открытии молитвенного дома, но ходатайства отклонялись под предлогом «отсутствия соответствующего помещения». Благочинному старообрядческих приходов по Сталинградской обл. И.И. Силкину, назначенному епископом Донецко-Донской и Кавказской епархии Иннокентием, уполномоченным СДРК был запрещен проезд в Сталинград. Старообрядческий священник хутора Вербовского пытался получить от властей разрешение на проведение служб, но и ему было отказано. В декабре 1952 г. Чудинов обратился в СДРК с предложением разрешить священнику Павлову из прихода, находившегося в г. Калаче, совершать требы для верующих в Сталинграде, «так как отказ в этом случае может вызвать ходатайство об открытии молитвенного дома в г. Сталинграде»⁷⁷. СДРК согласился с этим.

В 1951 г., согласно отчетам благочинного 1 округа Сталинградской епархии Русской Православной Церкви, в пределах прихода Казанского собора Сталинграда насчитывалось около 100 последователей Белокрыницкой иерархии и 20 беспоповцев, в приходе Никитинской церкви (поселок Бекетовка) – около 400 староверов Белокрыницкой иерархии, в приходе Успенского молитвенного дома (поселок Красноармейск) – около 350 верующих Белокрыницкой иерархии и 16 беспоповцев (в 1954 г. – 200 староверов)⁷⁸, в приходе Александро-Невского молитвенного дома (поселок Верхняя Ельшанка) – 18 верующих Белокрыницкой иерархии. В сельских приходах округа проживали только приверженцы Белокрыницкой иерархии: в приходе Никольского молитвенного дома Красной Слободы – 30 человек, в поселке Котельниково – около тысячи, в Калаче-на-Дону – 2,5 тыс., в селе Райгород – 8, в приходе Покровского молитвенного дома поселка Средняя Ахтуба – 20 и в Никольской церкви хутора Голубинского – 300⁷⁹.

Некоторые староверческие молитвенные дома Сталинградской обл. были закрыты на рубеже 1940–1950-х гг. в связи с тем, что они попали в зону затопления в ходе строительства Волго-Донского канала. В частности, община хутора Ляпичево была вынуждена в 1953 г. слиться с общиной хутора Вербовского Калачевского района, поскольку план нового поселка Ляпичево не предусматривал места для молитвенного дома. Такая же судьба была у многих других культовых зданий Калачевского и Нижне-Чирского районов.

В годы «хрущевской оттепели», когда генеральной линией развития страны становится ускоренное построение коммунизма, резко усиливается нажим на религиозные организации. Новый поворот государственно-конфессионального курса крайне затруднил открытие молитвенных домов староверов. В 1954 г. Чудинов информировал СДРК о продолжающих непрерывно поступать ходатайствах верующих об открытии храмов. В частности, в 1954 г. об открытии молитвенного дома ходатайствовали 30 староверов-беспоповцев поселка Бекетовка г. Сталинграда. Однако из всех старообрядческих групп Сталинграда была зарегистрирована лишь община Русской православной старообрядческой церкви (Белокрыницкой иерархии) (РПСЦ), и 4 апреля 1956 г. в Бекетовке открылся ее молитвенный дом. Когда в 1957 г. верующие РПСЦ поселка Дар-Гора обратились с просьбой об открытии молитвенного дома в Ворошиловском районе, Сталинградский горисполком отказал им на том основании, что молитвенный дом уже есть в Бекетовке. Тем самым власти проигнорировали просьбу 3 500 человек (цифра указана в заявлении верующих), в подавляющем большинстве престарелых людей, которые физически не могли посещать Бекетовку, находившуюся в 20 км от Дар-Горы⁸⁰.

Сохранившиеся ходатайства и жалобы верующих не только характеризуют деятельность общин и отражают суть их конфликтов с местными чиновниками, но и дают

сведения о численности религиозных групп, их возрастном составе и контактах. Так, например, в одном из заявлений верующих РПСЦ говорилось, что масса старообрядцев переселилась после войны с Дона в Сталинград (в связи с этим они просили архиепископа Флавиана присоединить общину к Донской епархии, а не к Московской)⁸¹. Всего в конце 1950-х гг. в Сталинграде проживало около 6 тыс. прихожан РПСЦ – значительно больше, чем их было в начале XX в. в Царицыне, что объяснялось прежде всего переселением верующих из других мест, в основном из донских станиц. Не случайно последователей РПСЦ было больше в самом Сталинграде, чем в сельских районах области.

В мае 1957 г. старообрядцы Белокрыницкой иерархии хуторов Ново-Максимовский, Верхне-Чирский, Рычковский, Бурацкий, Погодинский Суровикинского района (около 1 300 человек) просили открыть молитвенный дом на железнодорожной станции Чир⁸². Сталинградский облисполком отказал, сославшись на существование в районе двух молитвенных домов РПСЦ (в поселке Суровикино и на хуторе Лысов).

Аналогичная ситуация сложилась и с просьбой о регистрации группы верующих РДЦ в г. Михайловке. В неоднократных заявлениях старообрядцев на имя уполномоченного СДРК по Сталинградской области отмечалось, что в общину входит около тысячи верующих, а богослужения совершаются непрерывно с августа 1954 г. народно-христианским собранием (без священника). Причиной отклонения исполкомом Сталинградского облсовета данной просьбы стало отсутствие молитвенного здания, поскольку найденное группой помещение признавалось непригодным для совершения богослужения из-за несоответствия техническим, санитарным и противопожарным нормам. Не помогло даже обращение староверов к Н.С. Хрущеву (оно было передано на рассмотрение обратно в Сталинградский облисполком). 12 октября 1957 г. уполномоченный СДРК по Сталинградской обл. заявил, что ходатайство уже рассмотрено, а для новой постановки этого вопроса нет оснований⁸³.

Кроме отказов в регистрации новых религиозных обществ и молитвенных домов, в годы «хрущевской оттепели» начинается наступление на уже действовавшие общины, что приводило к конфликтам между местными властями и верующими. 18 ноября 1959 г. Суровикинский райисполком расторг договор аренды помещения со старообрядцами хутора Лысов из-за ветхого состояния Никольской церкви. Так как община не приобрела нового помещения, было решено снять ее с регистрации⁸⁴. Вышеназванные постановления неоднократно обжаловались верующими в обращениях на имя Л.И. Брежнев и депутата Верховного Совета СССР В.Д. Соколовского, но так и не были отменены⁸⁵. В 1961 г. были сняты с регистрации община РПСЦ на хуторе Ендовка Фрунзенского района и община РДЦ на хуторе Киреево Ольховского района. Основанием послужило отсутствие у них молитвенных домов и священнослужителей⁸⁶.

В связи с частыми отказами властей в регистрации общин и открытии молитвенных домов и сокращением числа действовавших культовых зданий, богослужения совершались в частных домах и на квартирах в Сталинграде, Калаче, Суровикино, в Березовском районе Сталинградской обл.⁸⁷ В январе 1954 г. незарегистрированные общины существовали в Нижне-Чирском районе (примерно 750 староверов РПСЦ и 70 беспоповцев), в Чернышковском районе (85 последователей РПСЦ и 30 беспоповцев), в Руднянском районе (30 верующих РПСЦ, 15 – РДЦ, 10 – беспоповцев)⁸⁸.

В 1965–1967 гг. в Волгоградской обл. действовало только 6 зарегистрированных общин РПСЦ, но две из них прекратили существование в течение 1967 г. В общинах совершали богослужения 5 духовных лиц. Верующих было примерно 2 тыс. человек. Доход общин в 1967 г. составлял 24 492 руб., в том числе от проведения обрядов – 3 566, от продажи свечей – 12 097, от реализации других предметов культа – 351, от добровольных пожертвований – 6 829 руб. Расходы достигали 22 983 руб. (6 311 руб. – на содержание служителей культа, 4 083 – на оплату труда обслуживающего персонала, 1 115 – на нужды исполнительных органов общин, 940 – религиозным центрам, 1 550 руб. – в Фонд мира). В остатке находилось 6 515 руб. Всего за год было проведено 138 крещений детей⁸⁹.

В 1968–1974 гг. общины РПСЦ оставались в Волгограде, Калаче-на-Дону, в поселке Котельниково, на хуторе Грачи Фроловского района. В приходах сохранялась высокая религиозная обрядность, в 1968 г. было крещено 138 детей⁹⁰. В 1973 г. приход молитвенного дома Кировского района Волгограда насчитывал 750 человек⁹¹. Сложным было положение незарегистрированной общины поморцев Советского района Волгограда, включавшей около 100 верующих и проводившей регулярные домашние собрания вплоть до 1980-х гг.⁹² Только в 1980 г. в г. Михайловка была зарегистрирована община РДЦ, объединившая верующих Михайловского, Подтелковского и Серафимовичского районов⁹³.

Ситуация начала кардинально меняться в годы перестройки. В 1986 г. власти регистрировали в Волгоградской обл. общину поморцев и две общины беглопоповцев⁹⁴. В 1989 г. в области действовало 8 зарегистрированных старообрядческих общин (четыре РПСЦ, три РДЦ и одна беспоповцев) и 3 незарегистрированных объединения (одно РПСЦ и два РДЦ). За год было проведено 118 крещений в общинах РПСЦ и 33 – в приходах РДЦ⁹⁵. Все приходы вели не только религиозную, но и благотворительную деятельность, отчисляя значительные средства в Фонд мира, Фонд охраны памятников истории и культуры, Фонд поддержки пострадавшим от Чернобыльской катастрофы и т.д.⁹⁶ На 1 сентября 2000 г. Управлением юстиции Волгоградской обл. по-прежнему были зарегистрированы 8 общин старообрядцев⁹⁷.

Примечания

¹ Обухович С.А. Старообрядчество Самаро-Саратовского Поволжья второй половины XIX – начала XX вв.: вклад в экономику и культуру края. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Наумлюк А.А. Государственно-конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратовско-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009.

² Донские епархиальные ведомости (далее – ДЕВ). 1904. № 22. С. 422.

³ ДЕВ. 1911. № 9. С. 145; № 27. С. 695.

⁴ Ершова О.П. Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 80.

⁵ Подробнее см.: Редькина О.Ю. Старообрядцы в Усть-Медведицком и Хоперском округах Области войска Донского во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Волгоград, 2007. Вып. 10. С. 273–276.

⁶ Ершова О.П. Указ. соч. С. 81.

⁷ Обухович С.А. Указ. соч. С. 18.

⁸ Минх А.Н. Историко-географический словарь. Саратовская губерния. Саратов, 1901. Т. 1. Вып. 3. С. 559, 660, 695, 1001, 1053, 1079.

⁹ Обухович С.А. Указ. соч. С. 18.

¹⁰ Государственный архив Волгоградской области (далее – ГА ВО), ф. И-6, оп. 1, д. 207, л. 84, 88.

¹¹ Минх А.Н. Указ. соч. С. 682, 687.

¹² Астраханские епархиальные ведомости (далее – АЕВ). 1880. № 6. С. 94.

¹³ Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волги. Казань, 1884. С. 321.

¹⁴ Приложение к АЕВ. 1889. № 17. С. 4, 63.

¹⁵ Там же. № 21. С. 132–133; АЕВ. 1900. № 17. С. 690.

¹⁶ Подробнее см.: Редькина О.Ю. Старообрядчество на Дону во второй половине XIX – начале XX века (по материалам духовной печати) // Казачество: прошлое и настоящее: Сборник научных трудов. Волгоград, 2000. С. 245–276.

¹⁷ Старообрядчество и кооперация. 1917. № 1. С. 4.

¹⁸ Голос старообрядческого Поволжья. 1917. № 4. Л. 2.

¹⁹ Там же. № 1. С. 3–7.

²⁰ Там же. № 9. С. 1, 7.

²¹ Социализм и его отношение к религии // Голос старообрядческого Поволжья. 1917. № 7. С. 2–4; Быстров С. Великие мыслители о социализме // Там же. № 9. С. 2–4.

²² Голос старообрядческого Поволжья. 1917. № 10. С. 1.

²³ Кутузов Б.П. К вопросу о феномене старообрядчества: <http://www.pomor-otvet.ru/?page=kutuzov1> (дата обращения 12.12.2010).

²⁴ Как духовенство служило белым // Борьба. 1929. 6 декабря. № 279 (3575).

²⁵ ГА ВО, ф. 1717, оп. 1, д. 18, л. 44–44 об.

²⁶ Там же, ф. 122, оп. 1, д. 544, л. 39.

²⁷ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона в XX веке: Сборник документов и материалов; Каталог культовых зданий. Волгоград, 2002. С. 145–148.

²⁸ В 1921 г. в Царицынскую губ. входили Царицынский, Царевский, Черноярский, Николаевский уезды (ранее принадлежавшие к Саратовской, Самарской и Астраханской губерниям), 2-й Донской, Хоперский и Усть-Медведицкий округа Донской обл.

²⁹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области, ф. 1, оп. 1, д. 112(а), л. 47 об.

³⁰ ГА ВО, ф. 37, оп. 1, д. 267, л. 15; ф. 193, оп. 1, д. 49, л. 18 об.

³¹ Там же, ф. 37, оп. 2, д. 70, л. 5.

³² Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 150.

³³ ГА ВО, ф. 37, оп. 2, д. 102, л. 77 об.

³⁴ Там же, ф. 1721, оп. 1, д. 177, л. 6–8.

³⁵ Там же, ф. 216, оп. 3, д. 19, л. 71.

³⁶ Протокол Саратовского съезда РДЦ 1923 г. // Книжница Самарского староверия: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/124-1-0-644> (дата обращения 24.04.2012).

³⁷ Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.

³⁸ ГА ВО, ф. 3083, оп. 1, д. 21, л. 2.

³⁹ Будкина И.Г. История старообрядчества в Самарской губернии. Ч. 5. 1918–1985 гг. // Книжница Самарского староверия: <http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-858> (дата обращения 24.04.2012).

⁴⁰ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 154.

⁴¹ ГА ВО, ф. 3083, оп. 1, д. 25, л. 1, 5, 17–18, 41–52, 146–147.

⁴² Там же, ф. 313, оп. 1, д. 1921, л. 8, 81; ф. 2059, оп. 2, д. 629, л. 30, 44; Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 501.

⁴³ Наумлюк А.А. О закрытии старообрядческих церквей Вольского Округа Нижне-Волжского края. 1929–1930 гг.: <http://esher2009.livejournal.com/26568.html#cutid2>. (дата обращения 24.04.2012).

⁴⁴ ГА ВО, ф. 313, оп. 1, д. 1921, л. 70–71. В станице Нижне-Чирской насчитывалось 634 прихожанина Покровской церкви, на хуторе Кибирев – 64 (Покровская церковь), на хуторе Погодин – 250 (Никольская церковь), на хуторе Бурацкий – 258 (церковь Св. Троицы), на хуторе Ольхов – 236 (Введенский молитвенный дом), на хуторе Верхне-Чирский – 225 прихожан Введенского молитвенного дома и 180 прихожан Покровской церкви, на хуторе Филатьев – 130 (Троицкий молитвенный дом), на хуторе Нижне-Солонов – 173 (Казанская церковь), на хуторах Верхне-Гнутов и Лозной – 157 (Покровская церковь), на хуторе Рынков – 256 (Покровская церковь), на хуторе Ковылев – 80 (Никольский молитвенный дом), на хуторе Морской – 376 (Покровская церковь), на хуторе Ермохин – 173 (церковь Рождества Пресвятой Богородицы), на хуторах Больше-Осиновский – 487 (молитвенный дом Успения Божьей Матери) и Логовской – 405 прихожан Успенской церкви.

⁴⁵ ГА ВО, ф. 2059, оп. 2, д. 630, л. 49.

⁴⁶ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 510.

- ⁴⁷ ГА ВО, ф. 2059, оп. 2, д. 659, л. 18 об.
- ⁴⁸ Там же, д. 698, л. 30.
- ⁴⁹ Там же, д. 630, л. 26, 29.
- ⁵⁰ Там же, ф. 6285, оп. 1, д. 2, л. 139.
- ⁵¹ Там же, ф. 2115, оп. 1, д. 12, л. 3.
- ⁵² Там же, ф. 2059, оп. 2, д. 659, л. 1.
- ⁵³ Там же, ф. 313, оп. 1, д. 1921, л. 60–63; Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 499, 503–505, 509, 510.
- ⁵⁴ ГА ВО, ф. 313, оп. 1, д. 1921, л. 77.
- ⁵⁵ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 252.
- ⁵⁶ ГА ВО, ф. 313, оп. 1, д. 1921, л. 33.
- ⁵⁷ Там же, ф. 2059, оп. 2, д. 698, л. 57. Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 501.
- ⁵⁸ ГА ВО, ф. 313, оп. 1, д. 1921, л. 68.
- ⁵⁹ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 253–254.
- ⁶⁰ Там же. С. 198–199.
- ⁶¹ Там же. С. 202–203.
- ⁶² ГА ВО, ф. 2059, оп. 2, д. 696, л. 47; д. 698, л. 52.
- ⁶³ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 218–219, 227, 253–254.
- ⁶⁴ ГА ВО, ф. 71, оп. 3, д. 20, л. 157.
- ⁶⁵ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 234–241.
- ⁶⁶ ГА ВО, ф. 2115, оп. 1, д. 1453, 1454, 1459.
- ⁶⁷ Там же, ф. 2059, оп. 2, д. 698, л. 77.
- ⁶⁸ Там же, ф. 6285, оп. 1, д. 1, л. 4.
- ⁶⁹ В настоящее время выявлена информация о 42 церквях и 42 молитвенных домах старообрядцев, находившихся в пределах современной территории Волгоградской обл. и закрытых в 1920–1930-х гг. См.: Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 282–284, 499–510.
- ⁷⁰ *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1995. С. 68–69.
- ⁷¹ ГА ВО, ф. 6285, оп. 1, д. 1, л. 1–2.
- ⁷² Там же, д. 4, л. 1; ф. 2115, оп. 1, д. 12, л. 3.
- ⁷³ Там же, ф. 2115, оп. 1, д. 7, л. 16. В 1954–1956 гг. в станице Нижне-Чирской насчитывалось 200 беглопоповцев (Там же, ф. 6285, оп. 1, д. 7, л. 96).
- ⁷⁴ ГА ВО, ф. 6285, оп. 1, д. 2, л. 2.
- ⁷⁵ Там же, ф. 6284, оп. 2, д. 8, л. 7.
- ⁷⁶ Там же, ф. 6285, оп. 1, д. 27, л. 10–13.
- ⁷⁷ Там же, д. 28, л. 17, 23.
- ⁷⁸ Там же, д. 1, л. 39.
- ⁷⁹ Там же, ф. 6284, оп. 1, д. 20, л. 25–26.
- ⁸⁰ Там же, ф. 6285, оп. 1, д. 32, л. 1; д. 35, л. 51; д. 37, л. 50–56.
- ⁸¹ Там же, д. 35, л. 53.
- ⁸² Там же, д. 37, л. 31.
- ⁸³ Там же, л. 12, 18, 78, 86.
- ⁸⁴ Там же, д. 41, л. 3.
- ⁸⁵ Там же, л. 49; д. 40, л. 26.
- ⁸⁶ Там же, д. 41, л. 8, 23.
- ⁸⁷ Там же, д. 27, л. 7, 35; д. 41, л. 60–61.
- ⁸⁸ Там же, д. 31, л. 6.
- ⁸⁹ Там же, д. 43, л. 184; д. 45, л. 140, 143, 165.
- ⁹⁰ Там же, д. 41 б, л. 114; д. 53, л. 2; Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 355.
- ⁹¹ ГА ВО, ф. 6285, оп. 1, д. 60, л. 24.

⁹² Там же, д. 66, л. 14; д. 79, л. 72, 74.

⁹³ Государство и религиозные организации Нижней Волги и Дона... С. 364–365.

⁹⁴ Там же. С. 375.

⁹⁵ ГА ВО, ф. 6285, оп. 1, д. 95, л. 166.

⁹⁶ Там же, д. 91, л. 4.

⁹⁷ Религии междуречья Волги и Дона: справочно-информационный сборник. Волгоград, 2000. С. 374.

© 2012 г. А. А. ГЕРМАН*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ (1918–1941 гг.)

В сложной и противоречивой истории Поволжья первой половины XX в. особым феноменом стало существование немецкой национально-территориальной автономии¹. По иронии судьбы период, когда поволжские немцы имели свою государственность, стал заключительным и наиболее драматичным в 177-летней истории их проживания на берегах великой российской реки. Депортация 1941 г. положила конец существованию поволжских немцев как самобытной этнической группы.

Начало же ее формирования относится к 1760-м гг. Будущие колонисты были приглашены императрицей Екатериной II с целью заселения и культурного освоения обширных и почти безлюдных приграничных территорий, в том числе – Среднего Поволжья. В постоянной борьбе с суровой природой и засушливым климатом, неустроенностью, болезнями, голодом, набегами кочевников, стойко перенося все превратности бюрократического управления, колонисты создали высокопродуктивные хозяйства, чем способствовали подъему экономики края. Продолжительное время (до начала 1870-х гг.) поволжские немцы жили достаточно изолированно под особым управлением, что позволило им сохранить язык, традиционный крестьянский уклад жизни, хоть и подвергшийся сильному влиянию окружающей природной и социальной среды, но, однако, во многом сохранивший элементы крестьянской жизни в германских государствах. В результате реформ 1870-х гг. немцы лишились имевшихся ранее привилегий, особого управления и получили статус поселян-собственников. Преодолев некоторую первоначальную растерянность², вызванную серьезными переменами в их жизни и судьбе, поволжские немцы смогли довольно быстро выйти из изоляции, интегрировались в местный социум, заняли заметное место в городской экономике, сельском хозяйстве, местном самоуправлении и в культурной жизни региона. Они призывались на службу в армию и участвовали в русско-турецкой (1877–1878 гг.) и русско-японской (1904–1905 гг.) войнах³. В региональном мультикультурном социуме немцы перестали восприниматься как чужие.

К 1914 г. по обоим берегам Волги насчитывалось более 200 колоний с населением свыше 400 тыс. человек⁴. Они располагались не только в сельской местности, но и в городах. Так, например, в Саратове в 1910 г. проживало свыше 4.8 тыс. немцев, что составляло 2.2% от всего населения города⁵. Немцы играли важную роль в хозяйствен-

* Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.